

Олег был единственным мужчиной в нашем доме, и на его плечи легли все заботы, связанные с эвакуацией.

Проходили дни. Эшелонов для населения не хватало: они шли на запад с войсками, на восток — с ранеными. Иногда проскакивали через станцию эшелоны с оборудованием шахт и заводов. Олег ходил на станцию, расспрашивал, нервничал, видя немецкие эскадрильи, сбрасывающие бомбы на мирные дома. В конце концов бездействие измучило его. Когда еще будет эшелон, а он, здоровый парень, должен сидеть сложа руки!

Он начал просить меня отпустить его в Верхне-Курморскую станцию:

— Мамочка, пойми меня! Не могу же я в такие дни сидеть дома без дела. Там, вместе со всеми, я хоть какую-нибудь пользу принесу. Каждая минута дорога, а я ничего не делаю... Пusti меня, мама!

А я боялась за него. С каждым днем усиливалась бомбардировка нашего города и особенно — железных дорог. Я старалась уверить сына, что нужно подождать эшелон, ехать вместе, но он и слушать не хотел.

— Я доеду, я не маленький. А там, вместе с дядей Николаем, буду работать на укреплениях. Пusti же, мама!

Я стала собирать сына в дорогу. Вместе с Олегом ехал и его товарищ Николай Шелупахин.

Мысль о том, что Олег едет не один, подбадривала меня. Но все же мы с бабушкой не могли удержаться, чтобы не заплакать.

Мы просили Олега беречься, слушать дядю Николая. Олег был очень нежен с нами, все время шутил, просил не беспокоиться о нем.

— А вы, как только будет эшелон, сразу же выезжайте, — наказал он нам перед разлукой.

Тяжело было расставанье... Засвистел паровоз, ребята вскочили на подножки вагона. Олег снял кепку и махал нам